

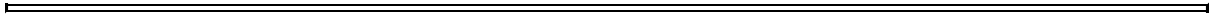
A decorative border with intricate floral and scrollwork patterns, rendered in a light gray color, framing the central text.

Шедевр

Ричард Матесон

- [Ричард Матесон](#)

-

Ричард Матесон

Шедевр

Они стояли у подножия хрустальных башен, чьи полированные шпили сверкающими зеркалами отражали пунцовый закат, и казалось, что весь город был залит смущенным румянцем.

- Как ты думаешь, что принесет народу наша победа? - спросил Раш.

- *Мир и счастье, - ответила она, легко опустив руки на его плечи. - Профсоюзы объявят о самороспуске, потому что труженик станет ведущей силой в обществе. Ни один закон не будет принят без его согласия... Я горжусь тобой, милый!*

КОНЕЦ

Стук пишущей машинки смолк. Его глаза закрылись. Пальцы сложились, словно лепестки уснувшего цветка. Слова пьянили, как вино. Волшебным эликсиром они текли по его жилам. «Получилось! - понял он. - Святой Георгий, получилось!»

Под всеми парусами он ринулся в океан радости. И, как всегда, тут же утонул в нем. Вынырнув на поверхность, еще раз удовлетворенно оценил очерк, вложил рукопись в конверт, надписал его, запечатал, взвесил, приклеил марки. Еще одно погружение в волны счастья, и он, выйдя из дома, направился за угол, к почтовому ящику.

Было почти двенадцать, когда одетый в потертое пальто Ричард Ален Шегли спешил по тихой улочке. Он торопился, боясь пропустить почтальона. Ричард боялся опоздать. «Раш против банкиров» - остросоциальный очерк, исполненный в жанре рассказа-предупреждения, - оказался просто шедевром. Очерк сегодня же должен попасть в редакцию газеты. Они обязаны оценить произведение по достоинству.

Хромая, он торопливо обогнул огромный провал в мостовой (и когда только они кончат ремонтировать эту чертову канализацию!). В

его руке был крепко зажат конверт. Сердце готово выпрыгнуть из груди.

Полдень. Наконец-то он добрался до почтового ящика и с тревогой огляделся, не идет ли почтальон. Никого не видно. Шегли радостно и облегченно вздохнул, сияя, опустил конверт в щель и услышал, как тот мягко упал на дно.

Кашляя и уже не торопясь, журналист побрел прочь.

* * *

Ала опять беспокоили ноги. Он медленно ковылял по тихой улочке, кожаная сумка оттягивала усталое плечо. «Старею, - подумал он. - Силенки-то уже не те. И ноги болят - ревматизм. Плохо: трудно обходить участок».

В четверть первого он доковылял до темно-зеленого почтового ящика. Вынул из кармана ключи. Со стоном наклонился, открыл замок и вынул почту.

Улыбка озарила его издерганное болью лицо. В изумлении он покачал головой: «Новый очерк Шегли! Если бы не он, таких, как я, давно бы выкинули на улицу. Старина Шегли умеет писать!»

Со вздохом выпрямившись, Ал спрятал конверт в сумку, запер ящик и, улыбаясь, захромал дальше. «Я могу гордиться, - размышлял он, - что отправляю в редакцию его очерки, а на больные кости можно не обращать внимания».

Он был большим поклонником Шегли.

* * *

Когда в начале четвертого Рик, пообедав, вернулся в редакцию, он сразу же заметил у себя на столе записку от секретарши.

«Только что принесли новый очерк Шегли. Извините, сэр, я его посмотрела: это серьезное предупреждение властям. И написано как всегда великолепно! Когда прочитаете, не забудьте зайти к Р.А.»

Редактор воспрянул. Святой Георгий! Да это же просто манна небесная. А день обещал быть таким скучным! Оскалив зубы, что заменяло ему улыбку, он рухнул в кожаное кресло, подавил инстинктивное желание взять красный карандаш (Шегли не нуждается в правке!). Р.А. будет просто счастлив.

Рик вынул из конверта рукопись и откинулся на спинку кресла. Первые же строки повествования буквально за frozeжили его. Окружающий мир перестал существовать. Затаив дыхание, он следил за развитием сюжета. Какое великолепное знание надежд и чаяний своего народа! Редкостное социальное чувство! Жесткий, напористый слог! Да, Шегли писать умеет! Он машинально стряхнул с рукава костюма (мелкая полосочка - высший шик!) осыпавшуюся штукатурку.

Рик в упоении читал, а поднявшийся ветер принялся трепать его соломенного цвета волосы, навевая прохладу. Рик поднял руку и бессознательным движением провел пальцем вдоль шрама, пунцовой нитью протянувшегося по его щеке до самого виска.

Ветер усилился. Он завывал в искореженной арматуре, гонял по мокрому ковру листы обгорелой бумаги. Рик беспокойно заерзал в кресле. Он покосился на зияющую трещину в стене (когда, черт возьми, закончат этот ремонт!) и снова со злорадной улыбкой на лице углубился в чтение.

Дочитав очерк, он щелкнул переключателем селектора.

- Чек старине Шегли. 800 строк. Заплатить по высшей категории!
- приказал он.

В полчетвертого он отнес рукопись в кабинет Р.А.

А в четыре ее уже читал издатель газеты, потирая руки и представляя, какой переполох вызовет очерк в коридорах власти.

* * *

Этим же вечером старый сгорбленный Дик Ален, улыбаясь сквозь застилающие глаза слезы, набирал на линотипе новый очерк Шегли. Его глаза радостно блестели из-под козырька натянутой на уши шапочки, а сотрясавший его кашель совершенно заглушался деловитым стуком машины.

Газета с очерком Шегли (30 строк на первой полосе, остальное - в открытие - на, второй) попала в газетный киоск чуть позже шести. Продавец со шрамом на лице, переминаясь с ноги на ногу, прочитал его шесть раз подряд и, размашисто написав поверх первой полосы «Шегли предупреждает», вывесил свежий номер газеты на видном месте.

* * *

А в полседьмого по тихой улице проковылял маленький, с проплешинами на голове человек. «Тяжелый трудовой день, заслуженный отдых», - подумал он, останавливаясь у газетного киоска.

И застыл, в изумлении раскрыв рот. Святой Георгий! Новый очерк Шегли! какая удача!

Более того - единственный экземпляр! Вся газета уже раскуплена! Он оставил продавцу, который куда-то вышел, четверть доллара.

Человек шел мимо разрушенных домов (странно, что их до сих пор не восстановили) и читал на ходу. Он закончил чтение на подходе к дому. За ужином прочитал еще раз, не переставая восхищаться мастерством журналиста и его нравственной позицией. «Да, - думал он, - теперь ОНИ забегают!»

* * *

Но за окном уже вечер. Время политических баталий закончилось. Пора убрать все на свои места: и закрытую чехлом пишущую машинку, и потертое пальто, и изношенный костюм в мелкую полоску, и шапочку с козырьком, и фуражку почтальона, и его кожаную сумку.

Все на свои места.

В десять он уже спал. Ему снились грибы. А утром он проснулся, по-детски удивляясь: почему никто раньше не замечал, что облако атомного взрыва больше всего похоже на обыкновенную поганку...

В шесть часов утра Шегли снова сидел за пишущей машинкой.

«Этот очерк, - начал печатать он, - посвящен борьбе Раша за права трудящихся автомобильной промышленности...»

Перевел с английского Михаил ТАРАСЬЕВ

This file was created

with BookDesigner program

bookdesigner@the-ebook.org

18.08.2008